

Антиурбанизм в современном мире: формы проявления и последствия

© А.Н. Нехамкин¹, В.А. Нехамкин²

¹Финансовый университет при Правительстве РФ, Брянск, 241050, Россия

²МГТУ им. Н. Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Проведен анализ антиурбанизма как альтернативы урбанизации. Установлено, что антиурбанизм вырастает из противоречий глобализации. Выявлена его сущность как системы взглядов и практических действий, направленных на фиксацию негативных черт и сторон урбанизации, отрицание городского образа жизни. Показаны внутренняя (порожденная самой урбанизацией) и внешняя (обусловленная социальными факторами) формы антиурбанизма, которые классифицированы как стихийно-природная и сознательно-социальная. В рамках последней подробно рассмотрены такие ее виды, как военный и техногенный антиурбанизм. Констатируется необходимость продолжения дальнейших исследований антиурбанизма.

Ключевые слова: город, мегаполисы, урбанизация, антиурбанизм, виды антиурбанизма, внутренний и внешний антиурбанизм, глобализация.

Урбанизация — «исторический процесс повышения роли городов в развитии общества» [1, с. 685] — объективная тенденция становления социума. Она возникла еще в Древнем мире как результат ускорения динамики социально-экономического развития на основе отделения земледелия и ремесла, позднее — сельского хозяйства и промышленности [2]. Углубление и усиление урбанизации, рост числа городов приводили к тому, что последние становились центрами специфической городской культуры, базой ускоренного развития ремесел, промышленности, образования, науки, юриспруденции, зарождения новых моральных норм (обычаев, нравов). Возникновение городов обусловило появление водопровода, канализации, мощных улиц. В период феодализма города повсеместно выступали центрами торговли, обороны от вражеских нашествий и источником внутренних смут.

Особенно резко ускорился процесс урбанизации в ходе индустриальной революции с середины XIX в. Города росли все более активно, в них прибывало население из сельской местности, которое находило здесь работу и жилье. Производительность труда в городах резко увеличилась. Становление урбанизации в это время отражало и новые структурные изменения: превалирование промышленности над сельским хозяйством, а также ускорение динамики человеческой цивилизации в целом.

Новый этап урбанизации реализуется со второй половины XX в. при переходе к постиндустриальному обществу. Его базовый элемент — увеличение занятых в образовании, науке, медицине, сфере обслуживания. Это дало мощный толчок развитию городов, переходу их в следующее качественное состояние. В 1999 г. в США на третичную сферу приходилось 80–81 % рабочей силы; 15 % трудоспособного населения были заняты в промышленности; 4 % — в сельском хозяйстве [3, с. СХI]. Люди, занятые в третичной сфере, образовали новую профессиональную группу городского населения. На этой основе возникли иные условия формирования системы городов. Во-первых, здесь резко увеличилось количество проживающих. В Европе, Азии, Америке появились и стали распространяться не просто города-миллионники, но и мегаполисы, насчитывающие порой от 10–20 до 30 млн жителей (Большой Каир, Йоханнесбург, Гонконг, Шанхай, Токио, Нью-Йорк, Москва и др.). Во-вторых, изменилось качество развития городов. На их базе возникли центры урбанистической культуры. Сюда массово стекаются образованные, инициативные, нестандартно мыслящие люди, желающие делать карьеру, получать высокую зарплату и одновременно пользоваться благами цивилизации. В мегаполисах такие люди получают реальный шанс разбогатеть, реализовать техническую или социальную идею, стать «сделавшими себя» личностями, т. е. адекватную их способностям благоприятную среду. Крупные города превращаются также в финансовые центры мирового значения (Токио, Гонконг, Нью-Йорк). Это обеспечивает им возможность «подпитывать» креативный потенциал жителей.

Крупные города и мегаполисы — территории, где зарождаются передовые методы организации производства, управления. Здесь возникают центры инновационных прорывов. На их основе ведущие страны (США, Япония, Южная Корея, КНР, ФРГ, Франция) идут к пику технического, технологического, культурного прогресса, к революционным изменениям в сфере образования, науки, прочих важнейших областях общественной жизни. Следовательно, некоторые города становятся центрами мирового развития. В них наиболее быстрыми темпами реализуются новые характеристики, грани, направления формирования «грядущего постиндустриального общества» (Д. Белл).

Таковы в самых общих чертах преимущества урбанизации, определяющие ныне тенденции ее дальнейшего развития. Однако наряду с позитивными урбанизация (как и любой другой социальный процесс) порождает и негативные тренды. Они обуславливают возникновение в теории и на практике такого явления, как антиурбанизм.

В предшествующей работе [4] нами рассматривался феномен антиурбанизма, свойственный как прошлым, так и нынешним соци-

альным системам, было дано его определение [4, с. 7]. Однако в статье не были подробно рассмотрены некоторые конкретные формы проявления антиурбанизма (исключая рурализацию, т. е. процесс ухода городского населения в сельскую местность, интерес к которой проявляют и современные ученые [5]), не было показано их взаимное (системное) воздействие друг на друга. Этот недостаток авторы постараются исправить.

В самом общем виде антиурбанизм целесообразно разделить на следующие группы (исходя из характера обуславливающих его факторов): внутренний (порожденный негативными чертами урбанизации) и внешний (стимулируемый иными социальными параметрами).

Внутренний антиурбанизм вызван отрицательными процессами, происходящими в рамках самой урбанизации. Прежде всего стоит отметить противоречие между скоростью социальных изменений в обществе, ведущих к быстрому росту городов, и их способностью адаптироваться к изменяющимся, новым условиям. С одной стороны, в развивающихся странах города не успевают приспособиться к ускоренному «наплыву» массы людей из сельской местности, к увеличению количества проживающих здесь лиц. С другой стороны, в нынешнем ЕС ситуация осложняется незапланированной, ускоренной «внешней» миграцией, когда в европейские города прибывает множество «культурно чуждых» людей из Ливии, Сирии, Ирака, охваченных гражданской войной.

Рост жителей преуспевающих азиатских, латиноамериканских городов осуществляется так же спонтанно, неформально, без должной регистрации приезжающих. Это «черное», лишнее, неучтенное население, на проблемы которого городские власти чаще всего пытаются закрывать глаза. Прежде всего сверхлимитное население не может найти себе приемлемое, отвечающее санитарно-гигиеническим нормам жилье. В результате начинается хаотическое разрастание пригородов: трущоб, фавел, бидонвилей и др. Люди проживают в картонных коробках, ящиках, фанерных постройках (что возможно при жарком климате). Такие «поселения» вырастают на окраинах Мумбаи, Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу и других городов (включая некоторые мегаполисы). Здесь нет жилищных условий, соответствующих базовым правам человека. Кроме того, отсутствует необходимое количество больниц, ибо городские власти не финансируют (и не могут финансировать) здравоохранение для не существующих по документам людей. Поэтому трущобы — постоянный источник болезней и эпидемий. В них складывается опасная для жизни экологическая среда (влияющая на остальной «благополучный» город). Наконец, здесь фактически царит беззаконие, властвуют криминальные банды (да так, что полиция порой боится «входить» на данную территорию).

Более того, в подобных местах нет централизованного водоснабжения, ибо его тоже рассчитывают исходя из формально «признанных» горожан. Недостаточно развита в таком «пригороде» канализационная сеть, что тоже служит источником санитарно-эпидемиологических трудностей для городских жителей. Данные проблемы — отрицательное следствие процесса урбанизации. Они вызывают соответствующее отношение к современным городам, формируют антиурбанизм как на бытовом (практическом), так и на теоретическом уровнях.

У вновь пребывающих в города лиц возникают трудности не только с жильем, но и с работой. Основная их масса — неквалифицированные или малоквалифицированные рабочие. Город не может сразу включить их в разнообразные сферы деятельности, обеспечить им занятость. В результате таким горожанам приходится самим искать работу, средства к существованию, защищаться от криминала и т. д. По факту хаотически развивающийся пригород — анклав, формирующий черный рынок современных городов, нелегальный сектор экономики. Так, нелегальной деятельностью в Лиме — столице Перу — занимаются 48 % экономически активного населения. На их долю приходится 61,2 % рабочего времени. Общественный транспорт в Лиме практически полностью находится вне государственного контроля. Приблизительная оценочная стоимость нелегального парка местных городских автобусов — 620 млн долларов. В этом секторе устанавливаются «свои» цены. Причем нелегальный экономический сектор более выгоден, чем легальный. Здесь формируется собственный порядок по принципу свободной конкуренции. В сложившихся условиях практически не работают государственные законы, юридические нормы [6, с. 233, 245, 247, 290–291], в том числе регулирующие функционирование частной собственности и бизнеса.

Нельзя не отметить такое явление урбанизации, как проблемы с транспортом. В настоящее время, когда стоимость, издержки производства автомобилей резко сократились, они стали доступны не только среднему классу, но и малообеспеченным слоям населения. Их количество в городах мира (включая Москву) растет быстрыми темпами. Это вызывает неоднозначные последствия. С одной стороны, увеличилась мобильность горожан. С другой стороны, появились проблемы. От продуктов горения, выделяемых одновременно при движении десятков тысяч автомобилей, ухудшается экологическая обстановка в городах. Кроме того, автомобиль становится средством не только передвижения, но и потери времени (заторы, пробки — проблема многих городов). Для передвижения увеличивающейся массы частных и муниципальных машин (автобусов, троллейбусов, трамваев, такси и др.) нужно постоянно увеличивать протяженность

внутригородских дорог: строить новые трассы, эстакады, развязки, виадукты, подземные и наземные парковки, открытые стоянки. Подобные меры часто не дают ожидаемого эффекта. Комплекс «автомобильных проблем» вызывает у людей резко негативное отношение к городам, стремление при любой возможности выехать за городскую черту.

Наряду с внутренними следует отметить и внешние факторы, способствующие развитию антиурбанизма. Они могут быть разделены на сознательно-социальные и стихийно-природные. В первом случае люди, государственные структуры, вооруженные силы стремятся нанести городам (и проживающему здесь населению) максимальный урон, подчас разрушив их до основания, чтобы добиться политических, военных и других целей. Во втором — стихии физического мира (наводнения, извержения вулканов и т. д.) не имеют специальной цели причинить ущерб городам как месту проживания людей, а делают это объективно, стихийно.

Природный антиурбанизм вызван силами физического мира. А. Тойнби назвал их «вызовами», приходящими из внешней среды, на которые общество в лице возглавляющей его интеллектуальной и политической элиты должно дать адекватные «ответы» (в форме новых технологий, реорганизации водозащитных сооружений, создания системы оповещения о надвигающихся природных катаклизмах и т. д.). Интересно, что Тойнби рассматривает роль в генезисе цивилизаций лишь позитивных природных вызовов — наличия горных массивов, рек, морей и подобных факторов, стимулирующих социальную жизнь. Пока не было человека, даже отдельные землетрясения способствовали положительной динамике: именно таким способом Посейдон (бог моря, т. е. вызов со стороны данной стихии) «отделил Европу от Азии и преобразил этот район континента в Эгейский архипелаг» [7, с. 118]. Отсюда следует, что вызовы со стороны внешних сил могут нести для социума положительную динамику. Так, Тойнби выделяет следующую закономерность: «Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию» [7, с. 119, 120].

Природные силы могут носить и несут как положительный, так и деструктивный характер. Наводнение, землетрясение, цунами в состоянии уничтожить один крупный город или несколько. Как указывает тот же Тойнби, «цивилизация существует благодаря постоянным усилиям человека. Достаточно лишить город энергоснабжения, как цивилизованная жизнь в нем окажется сразу же поставленной под сомнение» [7, с. 120]. Действительно, стихийные бедствия способны сделать это, т. е. придать внешним вызовам негативную для деятель-

ности человека и городов форму, а значит лишить города их привлекательности для населения страны, вызвать негативное отношение к данному месту обитания человека.

Природный антиурбанизм носит объективный, бессознательный характер. «Силы» физического мира разрушают города не из-за собственной злой воли, а потому что в них в специфической форме проявляются законы природы. Рассмотрим несколько известных примеров подобных катаклизмов. Если не брать в расчет мифическую островную страну Атлантиду с ее мощными городами, которые, видимо, погубило цунами, то наиболее яркий (документированный) случай природного антиурбанизма в древнем мире — судьба древнеримского города Помпеи, который в 79 г. уничтожило извержение вулкана Везувий. Другое извержение уже новейшего времени — вулкана Кракатау (1883 г.), находившегося между островами Ява и Суматра, разрушило 295 городов (погибших — около 36 000 человек). От прогнозируемого американскими учеными в нынешнем тысячелетии крупного извержения расположенного на их территории Йеллоустонского «супервулкана» могут пострадать и ряд крупнейших городов США. Им, несмотря на нынешнюю экономическую мощь государства, вероятно, придется испытать судьбу Помпей, засыпанных вулканическим пеплом.

Кроме вулканов и вызванных ими цунами, на втором месте среди природных разрушителей городов находятся землетрясения (хотя от них достается и сельским населенным пунктам, но в городах жертв из-за скученности населения намного больше, как и времени, требующегося на восстановление инфраструктуры). В истории СССР, кроме Ашхабадского (1948 г.), Ташкентского (1966 г.), наиболее разрушительным землетрясением стало Спитакское (1988 г.). «Подземные толчки стерли с лица земли город Спитак... частично пострадали еще 3 города... На этой территории погибли минимум 25 000 человек, ранены 20 000» [8, с. 63]. Спитак, «оказавшийся под прицелом стихии, напоминал зону боевых действий, как будто его забросали авиабомбами и отутюжили залпами тяжелой артиллерии» [8, с. 65]. Среди обломков зданий спасшиеся люди несколько недель готовили пищу на кострах. В итоге природный антиурбанизм в ходе землетрясения по разрушительным последствиям сравнялся с одной из форм социального — военным антиурбанизмом! Хотя следует отметить, что природа справилась с деструктивной задачей намного быстрее, чем это потребовалось бы вооруженным силам, чтобы разрушить подобную территорию. Важно и то, что землетрясение совпало с многочисленными организационными неувязками (тогда в СССР не было структуры, подобной имеющейся в РФ МЧС, и потому военные и МВД часто действовали вразнобой) в ходе преодоления его последствий.

Другая (по степени разрушительности) важная форма природного антиурбанизма — смерчи, ураганы и т. д. От их деструктивных последствий не застрахованы города даже такой сверхдержавы, как нынешние США. Беспомощность тамошних властей в августе 2005 г. продемонстрировал ураган «Катрина», создавший условия для затопления города Новый Орлеан. М. Жмакин описывает общую ситуацию в данном месте так: «свистящий ветер поднимал на реке Миссисипи волны высотой до 8 м, которые, переливаясь через дамбу, затопили город. Глубина затопления достигла 12 м. Были разрушены сотни тысяч зданий, и основная масса горожан осталась без жилья. Город стал похож на призрак, где хозяйничали одни мародеры... Уникальный масштаб трагедии поразил власти (города. — А.Н., В.Н.) и дезориентировал их, вынудив... к беспрецедентной эвакуации миллионного города *уже после* (курсив авт. — А.Н., В.Н.) удара стихии... Стихийное бедствие привело к серьезным экологическим последствиям: в резервуары с питьевой водой попали нефтепродукты, в некоторых районах Нового Орлеана были зарегистрированы дизентерия, тиф... Все могло закончиться еще хуже, если бы пришедший на территорию США всего через несколько дней ураган Рита был столь же мощным, как Катрина» [8, с. 136, 137]. Такое обстоятельство, безусловно, не добавляет привлекательности городам, особенно расположенным в зоне стихийных бедствий, служит дополнительным источником антиурбанистских настроений.

Какие выводы можно сделать из многочисленных фактов природного антиурбанизма? Во-первых, поскольку социальный мир остается частью физического, существует в нем, подобная опасность продолжит сохраняться и впредь. С наводнениями, землетрясениями, цунами, извержениями вулканов и т. д. нельзя договориться (или принудить), чтобы они не совершали подобных негативных «поступков». Следовательно, часть городов Земли всегда будет находиться под влиянием опасности быть уничтоженными природными стихиями. Во-вторых, общество еще долгий период своей истории, скорее всего, не сможет (несмотря на развитие науки и техники) предотвратить данные катаклизмы и, значит, определенные разрушения городов в силу подобных обстоятельств. В-третьих, социальные структуры в состоянии иногда предвидеть подобные стихийные бедствия и принимать соответствующие предупредительные меры (например, совершенствовать надежность дамб, иных защитных сооружений, предохраняющих прибрежные города от цунами; строить сейсмостойчивые здания в районах потенциальных землетрясений и т. д.). Однако в случае пассивности или ошибочных действий властей в подобных ситуациях городская деструкция будет только усугубляться (как показал опыт землетрясения в Спитаке или урагана «Катрина» в Новом Орлеане).

Какой выход из сложившегося положения? Одно из направлений — учиться у животных (сначала путем подражания их действиям, а в перспективе — поиска и обнаружения обуславливающего их биологического механизма). На этой основе следует предвидеть подобные катаклизмы и принимать превентивные меры безопасности. (Так, в ходе землетрясения и цунами в Индийском океане 26 декабря 2004 г. обитатели природного парка Яла на острове Шри-Ланка, где волна продвинулась на 3 км вглубь побережья, не пострадали, ибо заблаговременно ушли от берега за несколько часов до прихода волн [8, с. 39].) Парадоксально, но подчас взаимодействие социального и биологического миров — залог выживания горожан (в частности, в Спитаке перед землетрясением город покинули крысы, но люди не обратили на это внимание), его надо развивать и совершенствовать для общей пользы.

Природный антиурбанизм как негативный фактор, угрожающий развитию и существованию городов, еще предстоит изучать. Сегодня он не ограничивается наводнениями, извержениями вулканов, ураганами, а принимает иные формы. Следует учитывать, что возможен взаимосвязанный удар различных стихий, делающий антиурбанизм максимально опасным. (Вспомним, что если бы в 2005 г. ураган «Рита», обрушившийся на Новый Орлеан, оказался таким же разрушительным, как предшествующий ураган «Катрина», город было бы не спасти, возможно, его пришлось бы переносить на новое место.) Наконец, существует такой феномен, как астероидная угроза, которая в состоянии моментально уничтожить систему городов Земли так же легко, быстро, неотвратимо, как тысячелетия назад это, возможно, произошло с динозаврами и иными жившими тогда животными.

Таким образом, комплексное познание природного антиурбанизма — важный предмет междисциплинарного анализа. К сожалению, хотя человечество существенно продвинулось в деле нейтрализации подобных угроз, до их полного купирования пока еще очень далеко. К этому надо постоянно и неуклонно стремиться, несмотря на явную затратность данных мероприятий с позиции настоящего.

Кроме природного, значительную роль играет социальный антиурбанизм. Он тоже внутренне дифференцирован. Рассмотрим его формы подробнее.

Прежде всего начнем с военного (милитаристского) антиурбанизма. В ходе боевых действий на протяжении социальной истории усиливается тенденция нанесения максимального военного вреда городам как населенным пунктам, прежде всего выполняющим столичные функции, а также как местам проживания значительных масс населения, концентрации промышленности, систем жизнеобеспечения. Через воздействие вооруженных сил на города и их инфраструктуру планируется деморализация противника, его последующая ка-

питуляция. Следовательно, военные удары по урбанистическим структурам — важное средство и стратегическое направление ведения боевых действий. Так было от легендарной Троянской войны (где падение Трои дало эллинам окончательную победу) до наших дней (когда, например, авиация стран НАТО, чтобы принудить к быстрой капитуляции Югославию в 1999 г., наносила жесткие удары по столице страны Белграду, иным городам).

Военный антиурбанизм имеет ряд видов. Один из них — *полная деструкция*. Она выражает ситуацию, когда целью военных действий становится полное уничтожение населенных пунктов городского типа. Так, Александр Македонский в 332 г. до н. э. за упорное семимесячное сопротивление подверг такому наказанию расположенный в Персии финикийский город Тир (хотя часть населения пощадил). Традицию продолжили римляне, которые предпочли окончательно разрушить уже ослабленный предыдущими поражениями в Пунических войнах и не представлявший опасности для Древнего Рима город Карфаген в ходе трехлетних (149–146 гг. до н. э.) боевых действий. В монгольской армии времен Чингисхана и его последователей (Бату-хан и др.) тоже существовала практика уничтожения отказывавшихся капитулировать городов. Только в Древней Руси в 1237–1240 гг. ее жертвами стали Рязань, Владимир, Козельск (за ожесточенное сопротивление названный монголами «злым городом»), Киев и др. На наш взгляд, главная причина такой тактики (исключая Рим) — чисто психологическая: показать потенциальным противникам, что с ними произойдет в случае сопротивления. С одной стороны, преследовалась цель предотвратить будущее насилие: с капитулировавшими захватчики поступали мягче. С другой — подобный подход оказывался эффективным далеко не всегда. (Так, на Руси лишь малая часть городов сдалась монголам, а уничтожение предшественников заставляло сражаться иные города еще ожесточеннее, хотя в Китае и Средней Азии такая тактика была успешнее.)

В XX в. подобные планы в отношении чужих территорий строились (но, к счастью, не были осуществлены) руководством нацистской Германии. Гитлер и его соратники, например, в ходе реализации плана «Барбаросса» по разгрому СССР предполагали затопить водами Москвы-реки и Балтийского моря две столицы России — Москву и Ленинград. Высказывания на сей счет приводятся в мемуарах «Военный дневник» начальника немецкого Генерального штаба Г. Гальдера, в работе Г. Пикера «Застольные разговоры Гитлера». Установка содержится и в официальном документе — одной из директив Гитлера вермахту (позднее ставшей важным доказательством нацистских преступлений у советской стороны на Нюрнбергском процессе): «Произвести необходимые приготовления, чтобы Москва и ее

окрестности с помощью огромных сооружений были *затоплены водой* (курсив авт. — А.Н., В.Н.). Там, где стоит сегодня Москва, должно возникнуть море, которое навсегда скроет от цивилизованного мира столицу русского народа» [9, с. 79].

Полная деструкция городов не имеет позитивных черт. Она лишь создает иллюзию окончательной победы и в то же время демонстрирует огромную затратность подобных технологий (большой расход средств, ресурсов, человеческих жизней солдат и мирного населения городов), возрастает длительность вооруженной борьбы (ибо населению уничтожаемого города некуда отступать, и оно сражается до конца). В итоге это обстоятельство активно стимулирует теорию и практику антиурбанизма.

Со второй половины XX в. возникает возможность ядерной войны. Здесь ракетные удары будут также наноситься преимущественно по городам. Это породит массовые очаги пожаров. Вызовет синхронное сгорание искусственных материалов — пластмассы, каучука и т. д., задымление. В атмосфере Земли в короткий срок окажется такое количество продуктов горения, которое прекратит (или минимизирует) доступ на Землю солнечных лучей. Ученые прогнозируют резкое глобальное похолодание («ядерную зиму»), голод (ибо традиционная структура производства продовольствия моментально погибнет, а запасов на большинство выживших не хватит). Следствием подобных процессов, вероятно, окажется гибель человечества. Так, полная деструкция городов в ходе боевых действий становится, благодаря современным технологиям, наиболее разрушительной формой антиурбанизма. Она может оказаться смертельной для «человека разумного». Показательно, что в случае явной угрозы ядерной войны население различных стран действительно устремляется прочь из городов. Так было в США в ходе Карибского кризиса октября 1962 г. Отсюда потенциальная полная деструкция городов ведет к рурализации.

Второй вид военного антиурбанизма — *максимальный ущерб*. Суть подобной стратегии и тактики сводится к тому, что если нанести городам серьезные разрушения, то данное обстоятельство понизит экономические возможности страны и волю ее народа к сопротивлению. На практике подобная схема работает не всегда. В XX в. такой подход впервые позволило осуществить массированное применение авиации (ВВС) на разных театрах боевых действий Второй мировой войны. Мощные бомбовые удары по вражеским городам практиковали ВВС как нацистской Германии, так ее противников — СССР, Великобритании, США. Два последних государства использовали такую тактику особенно активно. Сухие цифры статистики говорят: только в 1943–1945 гг. «в 38 городах, подвергнувшихся бомбардировкам, проживало 72 % городского населения Германии»

[10, с. 15]. Однако решающего влияния на ход войны подобные жестокие акции не оказали.

Качественно новым продолжением стратегии максимального ущерба стало ее использование в отношении городов Японии. Кроме жесточайших бомбардировок обычными боеприпасами, США испытывали на населении двух японских городов (Хиросимы и Нагасаки) ядерное оружие, моментально убив десятки тысяч человек, обрекая остальных на медленную смерть от долгосрочных последствий такой атаки (лучевая болезнь, ожоги тела, заболевания дыхательных путей и т. д.). Только через неделю после данных варварских акций и под влиянием вступления в войну СССР, разгрома Квантунской армии в Китае, Япония капитулировала. (Какая из причин стала главной для капитуляции — точно не известно до сих пор, историки об этом активно спорят.)

Созданные в нацистской Германии новые образцы вооружения — первые баллистические ракеты (ФАУ-1, ФАУ-2) применялись в 1941–1945 гг. для разрушения городов Великобритании: в частности, Лондона, что служило ответом на налеты авиации союзников.

В последовавших после 1945 г. вооруженных конфликтах ВВС США подвергали массовым бомбардировкам города КНДР и КНР в ходе Корейской войны (1950–1953 гг.), ДРВ (включая его столицу Ханой) во Вьетнамской войне (1965–1972 гг.), Ирака (в конфликтах 1990–1991, 2003 гг.), Югославии (1999 г.).

Опять-таки подобные авиаудары в полной мере редко достигали поставленной цели: быстрой капитуляции противника, потери его воли к сопротивлению. Практика показала, что уничтожение, разрушение городов не дает решающего преимущества в войне. Однако у такой антигуманной формы боевых действий до сих пор есть защитники. Так, британский военный историк Ч. Мессенджер полагает, что еще более сильные (чем в реальности) удары ВВС союзников по нацистской Германии приблизили бы ее капитуляцию. (Хотя куда уж больше, если вспомнить только судьбу разрушенного 13–14 февраля 1945 г. Дрездена, где погибло 135 000 человек [10, с. 15], не говоря об иных аналогичных случаях!) Ученый так и назвал свой сценарий: «Операция “Армагеддон”. Разрушение городов, 1943 год» [11, с. 344–356]. С. Переслегин, комментируя позицию Мессенджера, справедливо полагает, что «подобные террористические методы (ведения войны. — А.Н., В.Н.) лишь способствуют сплочению слабейшей стороны вокруг своего лидера» [11, с. 398].

Конечно, при длительном авиационном воздействии (особенно, когда оно обходится минимальными потерями) логично допустить, что оборонный потенциал противника сократится, горожане могут испугаться и станут требовать от правительства прекращения борь-

бы. Так, Югославии (Сербии) в 1999 г. хватило и трех месяцев натовских авиаударов для соглашения с требованиями Запада. Еще быстрее (за месяц) США разрушили инфраструктуру многих городов, вынудили к «миру» и уходу из Кувейта Ирак в 1991 г. Однако чаще всего эффект получается обратный ожидаемому. Из него вытекают два следствия. Первое — население массово покидает города. Второе — оно еще сильнее противостоит врагу (например, восемь лет бомбардировок ДРВ не сломали волю вьетнамского народа к борьбе).

Третий вид военного антиурбанизма — *битвы за города-крепости*. В предыдущей работе данный термин использовался в ином смысле, как один из видов городов будущего [12]. Здесь он получает другое содержание: рассматривается сугубо как арена боевых действий нескольких армий. Даже если противник не стремится специально уничтожить данный город или причинить ему максимальный ущерб для запугивания населения или разрушения инфраструктуры, все равно он в силу объективных обстоятельств может стать территорией военного противостояния (причем подчас длительного). К тому же «своя» армия при неудачных военных действиях, как правило, отступает к городам, что увеличивает концентрацию войск, продолжительность боевых столкновений в удобных для обороны городских кварталах. Тем самым военный антиурбанизм в городе-крепости приобретает особенно сильный размах.

Уже на Древнем Востоке, в античности, Средневековье военный антиурбанизм проходил по схеме богатый город — удачный штурм — грабеж, убийство местного населения.

В XX в., особенно в ходе Второй мировой войны, превращение города в укрепленный пункт (город-крепость), который надо оборонять всеми средствами, тоже делало данную форму военного антиурбанизма крайне разрушительной.

Отдельный интересный вопрос относительно города-крепости в военное (но чаще в мирное) время звучит так: а стоило ли? Надо ли было терпеть многодневные разрушения города, гибель мирных жителей, или лучше сдать его противнику без сопротивления, чтобы потом вернуть в ходе общего наступления? В позднем СССР и РФ этот вопрос часто касался страшной судьбы блокадного Ленинграда 1941–1942 гг. (последний из таких скандальных опросов провел телеканал «Дождь» 27 января 2014 г.). Однозначного ответа нет. Следует отметить, что попытка покорностью купить свободу порождает подобное желание и у других. И как показал опыт Франции 1940 г. (где Париж 14 июня официально объявлен «открытым городом» и сдан немцам без боя), быстро доводит до капитуляции страны в целом. Такую тенденцию в историческом плане нельзя признать положительной.

Интересно, что с 1965 г. в СССР, а после 1991 г. и в РФ бывшие города-крепости, отличившиеся в борьбе с нацистскими оккупантами, получали звание «Город-герой», а в новейшее время — «Город воинской славы». Это не только дань героизму оборонявших их сил РККА, местного населения, но и памяти того антиурбанизма (разрушения), который они приняли на себя в годы Второй мировой войны. Выражение негативного отношения, которое на практике применял к ним противник.

Следующая форма военного антиурбанизма — *частичный антиурбанизм*, т. е. намеренная деструкция городов (промышленности, систем жизнеобеспечения) государственными структурами, чтобы они, попав в руки противника, не усилили его военную мощь, промышленный потенциал. Частичный антиурбанизм осуществляется не врагом, а собственным правительством, вооруженными силами, специальными службами, а подчас и населением. Это обстоятельство делает города еще более непривлекательными местами проживания людей в случае боевых действий.

Так, по некоторым сведениям, поступали еще древние скифы перед лицом персидского нашествия. Вместо прямого боя с врагом, они предпочитали уничтожать колодцы и поджигать траву на пути его движения (что лишало подвижности кавалерию и пехоту персов). Подобный метод войны получил название «скифский». Он не имел тогда отношения к городам, но позднее стал применяться и в таком смысле.

В войнах до XX в. частичный антиурбанизм — достаточно редкое (и осуждаемое за антигуманность) явление, говорящее о резком ожесточении противников. В XVI в. в ходе борьбы голландских колоний за независимость от Испании повстанцы практиковали открытие морских плотин, чтобы снять осаду городов (эпизод проявился, например, в ходе осады испанцами Лейдена в 1573–1574 гг.). В XIX столетии подобный опыт характерен для самой Испании и России, боровшихся с наполеоновскими войсками с 1808 г. и в 1812 г. соответственно. Французов поражало, что испанцы предпочитали сжигать собственные города, дабы они не достались врагу. Такой неприятный сюрприз ждал Наполеона и в России. Ее бывшая столица Москва оказалась перед оккупацией в сентябре 1812 г. покинутой значительным числом жителей, а потом сожженной. В Европе (исключая Испанию) с такой практикой завоеватели не сталкивались. Однако тактику разрушения собственных городов в данный период характеризовали отдельные эпизоды. Это не было правилом, отсутствовало теоретическое обоснование подобного шага.

В XX в. после Первой мировой войны 1914–1918 гг. получила распространение концепция «тотальной войны» (Э. Людендорф, И. Геббельс и др.), в которой утверждалось, что Германия проиграла

конфликт в том числе из-за боязни использовать любые средства для достижения успеха. В рамках концепции «скифская тактика» (включавшая намеренную деструкцию своих и чужих городов) выступала важным элементом решения задачи.

Частичный антиурбанизм первоначально использовался РККА и санкционировался руководством СССР в ходе оборонительного периода Великой Отечественной войны. В оставляемых советских городах требовалось уничтожить объекты инфраструктуры (предприятия, системы жизнеобеспечения — водопровод, отопление и т. д., отдельные здания, запасы продовольствия), чтобы они не достались врагу. В период отступления из СССР (с осени 1943 г.) уже вермахт применял (в рамках теории «тотальной войны») подобную практику в отношении городов РСФСР, Украины, Белоруссии, Прибалтики. (Такие действия стали предметом осуждения Нюрнбергского трибунала над нацистскими преступниками.)

Довелось испытать на себе частичный антиурбанизм и немцам. Например, министр вооружений нацистской Германии А. Шпеер так вспоминал содержание одной из инструкций Гитлера от 29 марта 1945 г. по поводу разрушения объектов инфраструктуры: «Наша цель — не допустить функционирования всех видов транспорта на оставляемых территориях». Следовало уничтожить мосты, железнодорожные пути и оборудование железнодорожных станций, паровозы, вагоны, фабрично-заводское оборудование, шлюзы и судоподъемники, а суда и баржи — утопить в реках и каналах, чтобы перекрыть по ним движение кораблей противника. Шпеер отмечает: «Лишь специалист мог определить точный ущерб, который понесла бы Германия в результате выполнения этого тщательно разработанного приказа» [13, с. 585]. Отсюда частичный антиурбанизм (как временная мера остановки противника) перерастал в полный.

В целом частичный антиурбанизм не эффективен с военной и гражданской точек зрения. Он относится к числу затратных (прежде всего для использующих этот подход государств) технологий. Уничтожение городской инфраструктуры способно замедлить, но не остановить продвижение войск противника (как показал опыт СССР в 1941–1942 гг., нацистской Германии — в 1943–1945 гг.). Разрушение же своих городов вызывает обнищание собственного населения. Несмотря на негативные последствия, такой подход применяется собственными и чужими политиками, военачальниками, что делает города опасными для жителей, заставляет их покидать данные территории, искать спасения в сельской местности.

Итак, военный (милитаристский) антиурбанизм всегда вел к деструкции городов, разрушению их инфраструктуры. Он «покупался» слишком высокой ценой. В условиях ядерной войны возможно унич-

тожение как отдельных городов, так и их системы на Земле, человечества в целом. Впрочем, ныне даже использование обычных вооружений ВВС (как показал опыт Вьетнама, Ирака, Югославии) может нанести городам значительный, сказывающийся длительный период ущерб. Отсюда военный антиурбанизм выступает наиболее разрушительным и, можно надеяться, в итоге преодолимым человечеством препятствием.

Изучение военного антиурбанизма важно и по другой причине. В.В. Серебрянников отмечает следующую тенденцию: «В XX веке быстро увеличивался удельный вес боевых действий в городских условиях. Например, более 40 % сражений в Европе во Второй мировой войне происходили в городах... Так было в большинстве военных конфликтов во второй половине XX века: в Корее, Вьетнаме, на Балканах (90-е годы). Многие специалисты полагают, что городские территории будут наиболее вероятным местом боев в XXI веке» [10, с. 14, 15]. Следовательно, военный антиурбанизм не исчезнет в текущем столетии, а будет принимать новые формы, которые следует изучать, проводить их дальнейший научный анализ.

Еще одна важная форма антиурбанизма — техногенный антиурбанизм. Так, городскую местность непригодной для обитания людей делает производственная деятельность. Неудачный эксперимент на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 г. привел к взрыву на одном из ее энергоблоков. Это вызвало повышение уровня радиации в районе станции, перенос радиоактивных элементов на огромные расстояния. Зараженными оказались значительные территории ряда республик СССР: РСФСР, Белоруссии, Украины. Однако главным объектом трагедии стала Припять, где проживал персонал данной АЭС с семьями. Город оказался в окружавшей станцию тридцатикилометровой зоне отчуждения, где запрещено всякое проживание. Эвакуация из города прошла за несколько дней. При этом многие горожане получили дозу радиации. В результате антиурбанизм стал реальностью. Населенный пункт превратился в город-призрак (поселение, лишенное жителей). Он до сих пор выступает напоминанием о тех угрозах, которые таит техногенная деятельность людей для городской инфраструктуры.

Несколько иная (но схожая по сути) ситуация сложилась в марте 2011 г. на АЭС близ японского города Фукусима. Благодаря серии одновременных природных катаклизмов (землетрясение и вызванное им цунами) перестала работать система охлаждения ядерных реакторов. Последовала серия взрывов с выбросом в атмосферу радиоактивных веществ. Жителей Фукусимы, как и Припяти, пришлось срочно (хотя на сей раз временно) эвакуировать. Не обошлось без жертв. Это событие тоже нанесло серьезный удар по представлению о городах как о месте комфортного проживания человека.

В итоге техногенный антиурбанизм может приводить как к полному (окончательное оставление населенного пункта жителями), так и частичному (на короткий период) прекращению функционирования города. Эта форма антиурбанизма носит разрушительный характер для современных городов. Учитывая, что роль новой техники и технологий в урбанизированном пространстве продолжит увеличиваться, данная опасность будет возрастать, человечеству надо быть готовым к предотвращению спонтанно возникающих техногенных проблем.

Итак, нами подробно рассмотрен антиурбанизм как формирующаяся альтернатива урбанизации, выступающая в качестве самостоятельного сложного социального феномена. Выявлены внутренний и внешний антиурбанизм. Последний классифицирован на природный и социальный, выделены его военный и техногенный подтипы. Исследованы возникающие в рамках каждого из них угрозы как в одной стране, так и на глобальном уровне. Более того, опасность антиурбанизма возрастает в условиях становления на Земле системы городов, или урбанистической цивилизации [14]. В связи с этим предстоит разрабатывать меры по противоборству негативным тенденциям, связанным с развитием городов, не только в отдельных государствах, но и в рамках мирового сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Социологическая энциклопедия*. В 2 т. Т. 2. Москва, Мысль, 2003, 863 с.
- [2] Сачкова В.А. Урбанистическая цивилизация: этапы становления. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки»*, 2011, № 1, с. 34–39.
- [3] Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. Москва, Academia, 1999, 956 с.
- [4] Нехамкин В.А. Антиурбанизм как социальное явление: философский анализ. *Социум и власть*, 2015, № 2, с. 6–11.
- [5] Павлов А.И. Сущность теоретических основ руралистики: понятийно-категориальный аппарат. *Международный научно-производственный журнал «Экономика АПК»*, 2016, № 5, с. 30–37.
- [6] Сото Э. де *Иной путь. Невидимая революция в «третьем мире»*. Москва, Catallaxu, 1995, 320 с.
- [7] Тойнби А. *Постижение истории*. Москва, Прогресс, 1991, 730 с.
- [8] Жмакин М.С. *Природные катастрофы, потрясшие мир*. Москва, ОЛМА Медиа Групп, 2011, 272 с.
- [9] *История Отечества в документах. 1917–1993 гг. Ч. 3. 1939–1945 гг. Хрестоматия*. Москва, ИЛБИ, 1995, 192 с.
- [10] Серебрянников В.В. *Социология войны*. Москва, Научный мир, 1997, 398 с.
- [11] Макси К. *Упущенные возможности Гитлера*. Москва, АСТ, 2001, 544 с.
- [12] Нехамкин В.А., Сачкова В.А. Образы «города будущего» в культуре конца XX — начала XXI в.: мифы и реальность. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки»*, 2012, № 3, с. 47–55.

[13] Шпеер А. *Воспоминания*. Москва, Захаров, 2010, 681 с.

[14] Нехамкин В.А., Сачкова В.А. Урбанистическая цивилизация и ее роль в современном мире. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки»*, 2013, № 3, с. 38–50.

Статья поступила в редакцию 09.09.2016

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Нехамкин А.Н., Нехамкин В.А. Антиурбанизм в современном мире: формы проявления и последствия. *Гуманитарный вестник*, 2016, вып. 8.

<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2016-08-382>

Нехамкин Аркадий Наумович — д-р экон. наук, профессор кафедры «Экономика, менеджмент и социально-гуманитарные дисциплины» филиала Финансового университета при Правительстве РФ в Брянске. Действительный член РАЕН.
e-mail: nehamkin.nauka@yandex.ru

Нехамкин Валерий Аркадьевич — д-р филос. наук, профессор кафедры «Философия» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: nehamkin@rambler.ru

Antiurbanism in the modern world: manifestations and consequences

© A.N. Nekhamkin¹, V.A. Nekhamkin²

¹Financial University under the Government of the Russian Federation, Bryansk, 241050, Russia

²Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The article presents an]analysis of antiurbanism as an alternative to urbanization. It is established that antiurbanism arises from contradictions of globalization. Its nature is revealed as a system of views and practices aimed at fixing the negative traits and aspects of urbanization, the negation of the urban lifestyle. The internal (generated by urbanization itself) and external (due to social factors) antiurbanism forms are shown, being classified as spontaneous-natural, and socially conscious ones. Such forms of antiurbanism as the military and technological are considered in the frame of the latter.

Keywords: city, megalopolis, urbanization, antiurbanism, antiurbanism forms, internal and external antiurbanism, globalization.

REFERENCES

- [1] *Sotsiologicheskaya entsiklopediya in 2 t. Tom 2* [Sociological Encyclopedia in 2 volumes. Vol. 2]. Moscow, Mysl Publ., 2003, 863 p.
- [2] Sachkova V.A. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya "Filisovskie nauki" — Bulletin of the Moscow State Regional University. Series "Philosophical sciences"*, 2011, no. 1, pp. 34–39.
- [3] Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. New York, Basic Books, 1973. [In Russ.: Bell D. Gryadushchee postindustrialnoe obshchestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya. Moscow, Academia Publ., 1999, 956 p.]
- [4] Nekhamkin V.A. *Sotsium i vlast — Social Medium and Power*, 2015, no. 2, pp. 6–11.
- [5] Pavlov A.I. *Mezhdunarodnyy nauchno-proizvodstvennyy zhurnal "Ekonomika APK" — "The Economy of Agro-Industrial Complex" International Scientific and Production Journal*, 2016, no. 5, pp. 30–37.
- [6] Soto H. de. *The Other Path: The Invisible Revolution in the Third World*. New York, Basic Books Publ., 1989. [In Russ.: Soto E. de. Inoy put. Nevidimaya revolyutsiya v "tretyem mire". Moscow, Catallaxy Publ., 1995, 320 p.]
- [7] Toynbee A.J. *A Study of History*. Oxford University Press 1934–1939. [In Russ.: Toynbi A. Postizhenie istorii. Moscow, Progress Publ., 1991, 730 p.]
- [8] Zhmakin M.S. *Prirodnye katastrofy, potryasshie mir* [Natural disasters that appalled the world]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2011, 272 p.
- [9] *Istoriya Otechestva v dokumentakh 1917–1993 gg. Chast 3. 1939–1945 gg* [History of Russia in the documents 1917–1993. Part 3. 1939–1945]. Moscow, ILBI Publ., 1995, 192 p.
- [10] Serebryannikov V.V. *Sotsiologiya voyny* [Sociology of a war]. Moscow, Nauchnyy mir Publ., 1997, 398 p.
- [11] Macksey K., ed. *The Hitler Options: Alternate Decisions of World War II*. Greenhill Books Publ., 1995. [In Russ.: Maksi K. Upushchennye vozmozhnosti Gitlera. Moscow, AST Publ., 2001, 544 p.]

- [12] Nekhamkin V.A., Sachkova V.A. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya "Filisovskie nauki" – Bulletin of the Moscow State Regional University. Series "Philosophical sciences"*, 2012, no. 3, pp. 47–55.
- [13] Speer A. *Erinnerungen*. Berlin, Ullstein Publ., 1969, 610 p. [In Russ.: Shpeer A. *Vospominaniya*. Moscow, Zakharov Publ., 2010, 681 p.].
- [14] Nekhamkin V.A., Sachkova V.A. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya "Filisovskie nauki" – Bulletin of the Moscow State Regional University. Series "Philosophical sciences"*, 2013, no. 3, pp. 38–50.

Nekhamkin A.N., Dr.Sci. (Economics), Professor, Department of Economics, Management and Socio-Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation, Bryansk Branch, Member of the Russian Academy of Natural Sciences.
e-mail: nehamkin.nauka@yandex.ru

Nekhamkin V.A., Dr.Sci. (Philosophy), Professor, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: nechamkin@rambler.ru